УДК 316.64

СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОБЩЕСТВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Иванов А.В., Данилов С.А.

ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», e-mail: ivanovaw@info.sgu.ru

В статье анализируется проблема социального доверия в условиях роста внутренней гетерогенности и ролевой сложности современных модернизированных обществ. Доверие рассматривается как важнейший механизм регуляции общественных отношений на личностно-интерсубъективном и институциональном уровне, воплощающий в себе потенциал солидарности и согласования личностных, групповых интересов и ценностей. Рассматривается соотношение различных измерений социального доверия (институционально-вертикального и горизонтального), обсуждаются различные системы доверия и особенность их функционирования в условиях глобализации. На основе анализа данных шестой волны всемирного исследования ценностей World Values Survey (2010–2014) выделяется четыре группы стран по соотношению индексов общего генерализированного и институционального доверия, на примере Китая рассматриваются факторы, обуславливающие различия между культурами доверия в странах Востока и Запада, обсуждаются различные теории и гипотезы, объясняющие причину их возникновения. Проведенный сравнительный анализ дает возможность выработать общие принципы типологии стран по уровню доверия. В работе рассматривается также специфика доверия в автократических и демократических политических режимах (развитых и частичных), устанавливается связь доверия с социокультурными контекстами.

Ключевые слова: доверие, ценности, легитимность, социальный порядок, социодинамика, институциональные изменения, политический режим, политическая культура, восточные общества, Китай

SOCIAL TRUST AND INSTITUTIONAL ORDER OF SOCIETY IN THE SOCIAL AND CULTURAL CONTEXT OF WESTERN AND EASTERN CULTURES: COMPARATIVE ANALYSIS

Ivanov A.V., Danilov S.A.

Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, e-mail: ivanovaw@info.sgu.ru

The article analyzes the problem of social trust under conditions of growth of internal heterogeneity and role complexity of present-day modernized societies. Trust is viewed as the most important mechanism of regulation of social relations at a personal – intersubjective and institutional levels. This mechanism embodies the potential of solidarity and coordination of interests and values. The article reviews the ratio of different dimensions of social trust (institutional-vertical and institutional-horizontal); it also discusses various systems of trust and peculiarities of their functioning under conditions of globalization. On the basis of analysis of the data of the sixth wave of the World Values Survey (2010–2014) we singled out four groups of countries according to the ratio of indices of generalized and institutional trust. We viewed the factors, which condition the differences between cultures of trust in the countries of the East and West, based on the example of China. Various theories and hypotheses that explain the cause of their occurrence are discussed. Comparative analysis, which has been carried out, provides an opportunity to develop general principles of the typology of countries according to the level of trust. In the present work we also considered specifics of trust under autocratic and democratic political regimes and established the connection between trust and socio-cultural and value-related contexts.

Keywords: trust, values, legitimacy, social order, institutional order, sociodynamics, institutional changes, political regime, political culture, Eastern societies, China

За последние десятилетия проблема доверия уже не раз становилась объектом пристального внимания зарубежных и отечественных политологов, усилиями которых были проведены многочисленные прикладные исследования [5]. Полученные результаты свидетельствуют о том, что социальная теория доверия уже перешагнула границу исключительно теоретических исследований, в результате чего появилась возможность сравнивать ситуацию в различных регионах мира [11]. Значительную роль в этом сыграл крупнейший международный социологический проект двух последних десятилетий, в котором участвовала и Россия, а именно всемирное исследование ценностей *World Values Survey (WVS)* [19], в рамках которого проводился мониторинг различных ценностных предпочтений в нескольких десятках стран мира, в том числе показателей доверия. Не менее интересные результаты представлены в регулярных отчетах «*Trust Barometer*», публикуемых международной исследовательской компанией Edelman. В основе методологии указанных проектов, в сущности, лежит уже устоявшаяся теоретическая концептуализация социального доверия в рамках различных исследовательских подходов (теория рационального выбора, теория социального

капитала, неоинституциональный подход, системно-функциональный подход, концепция структурации и др.), а также классификация видов доверия. Как указывает Ф. Фукуяма, под доверием понимается «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и со вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [9, с. 52]. Согласно Роберту Дэвиду Патнэму, именно доверие лежит в основе социального капитала как определенного потенциала солидарности общества или отдельной его части. «Социальный капитал, – пишет автор, – включает в себя различные характеристики социальной организации, такие как доверие, нормы и сети взаимодействия, которые могут способствовать повышению эффективности общества, облегчая координацию совместных усилий» [16, p. 167].

Также исследователи обращают внимание на необходимость различать горизонтальное доверие, включающее межличностное доверие (доверие между близкими людьми и членами малых социальных групп), и генерализированное доверие (доверие к людям вообще), а также институциональное доверие (т.е. доверие людей к социальным институтам и партиям, правительству, органам правопорядка, церкви, профсоюзам, полиции) [14, s. 188.]. Используя данную классификацию, можно утверждать, что генерализированное доверие как продукт рефлексивной духовной деятельности субъектов возникает в результате генерализации и диффузии определенных ценностных стереотипов в оценке опыта социальных взаимодействий. Тем самым оно становится неотъемлемой частью коллективных представлений об обществе и его устройстве, передается и закрепляется в культурных паттернах поведения в течение многих поколений. [18]. Образующийся на основе генерализированного доверия социальный капитал является важнейшим индикатором социальной интеграции общества, а институциональное доверие образует базис легитимации правовых и политических институтов. Если горизонтальное доверие является основой жизненного мира индивидуума и локальных групповых общностей, то институциональное доверие – базис функционирования сложно организованных обществ, возникающих в процессе модернизации.

Отличительная черта доверия в современных обществах обусловлена опосредованным характером коммуникации и регуляции социальных отношений, его корреляцией со специализированными организациями, нормами и ценностями, генерирующими и поддерживающими необходимый институциональный порядок. Таким образом, доверие – это не только общая онтологическая установка субъекта по отношению к социальному миру в целом, это одновременно институциональный механизм организации жизнедеятельности социума, позволяющий субъекту воспринимать, регулировать и оценивать взаимодействия индивидов и групп. По мнению Л.Д. Гудкова, «низкий уровень доверия означает механическую интегрированность общества, наличие многих несогласованных социальных порядков, возникающих из-за гетерогенности институциональных систем, которые функционируют в данном обществе» [4, с. 41]. Именно такая конфигурация, по его мнению, характерна для современной России, антропологической основой которой является «постсоветский простой человек», возникший в атмосфере административного насилия и вынужденной адаптации к мобилизационной системе институтов советского периода.

Если воспользоваться типологией А.Н. Олейника и Ю.А. Латова, в самом общем виде логически возможны четыре типа режима функционирования института доверия [7, с. 44; 8].

1. Высокий уровень горизонтального и институционального доверия (общество обладает существенным уровнем социального капитала, а пользующееся легитимной поддержкой правительство способствует его воспроизводству).

2. Высокий уровень горизонтального доверия при низком уровне доверия институционального, общество и политические институты существуют друг от друга. Подобная ситуация была характерна для позднего советского общества, где неформальные отношения исполняли стабилизирующую роль в условиях растущей неэффективности системы партийного управления экономическими и социальными процессами.

3. Высокий уровень вертикального доверия при низком уровне доверия горизонтального наблюдается в тех случаях, когда гражданское общество разрушено атмосферой недоверия и не способно функционировать вне системы государственного патернализма.

4. Низкое горизонтальное и вертикальное доверие (социальные взаимодействия в обществе парализованы, власть не может контролировать ситуацию, координация взаимодействий затруднена из-за полного взаимного недоверия).

При всем многообразии существующих подходов к оценке взаимосвязи между сферами институционального и горизонтального доверия, по всей видимости, все их объединяет общая транзитологическая предпосылка, восходящая к теоретикам гражданской политической культуры Г. Алмонду и С. Вербе

о фундаментальной взаимосвязи между доверием и уровнем развития демократических институтов. В частности, П. Штомпка, обсуждая роль доверия применительно к демократии, исходит из следующих посылок.

1. При прочих равных условиях «культура доверия» с большей вероятностью появляется при демократической системе правления.

2. Доверие порождается демократией и поддерживает демократию.

3. Доверие к самой демократии основано на институциализации недоверия в ее структуру – подотчетность доверяемого, наличие предварительных обязательств и институциональных средств их исполнения.

Как неоднократно указывает автор, доверие при демократии не обеспечивается исключительно за счет эффективного контроля гражданского общества над государственными институтами, а служит своеобразным внутренним ограничителем деятельности элит. Соответственно, «в то время как демократия использует институциализацию недоверия, а доверие возникает в ней как парадоксальное последствие, связанное с принуждением к ответственности и самоограничению возможности действия, автократия стремится к непосредственной институализации доверия и превращения его в требование, отягощенное серьезными формальными санкциями» [10, с. 386]. Следовательно, демократия продуцирует доверие, опираясь в основном на институты «недоверия», автократические режимы – наоборот, декларативно провозглашая всеобщее доверие, на деле его подменяют всеобщим контролем («доверие хорошо, но контроль лучше...»), принимающим патерналистский или даже персонифицированный характер. Автократические правительства, разрушая баланс солидарности в обществе, рассматривают доверие в качестве некоторой привилегии, которую подданные должны заслужить через организованное подчинение и демонстрацию исключительной лояльности власти. Постоянно подозревая общество в непослушании и предпринимая репрессивные действия, направленные на устранение политических рисков неповиновения, элиты лишь усиливают порочный круг делигитимации, способствуют стремительной деморализации, росту асоциального индивидуализма и массовой аномии гражданского общества.

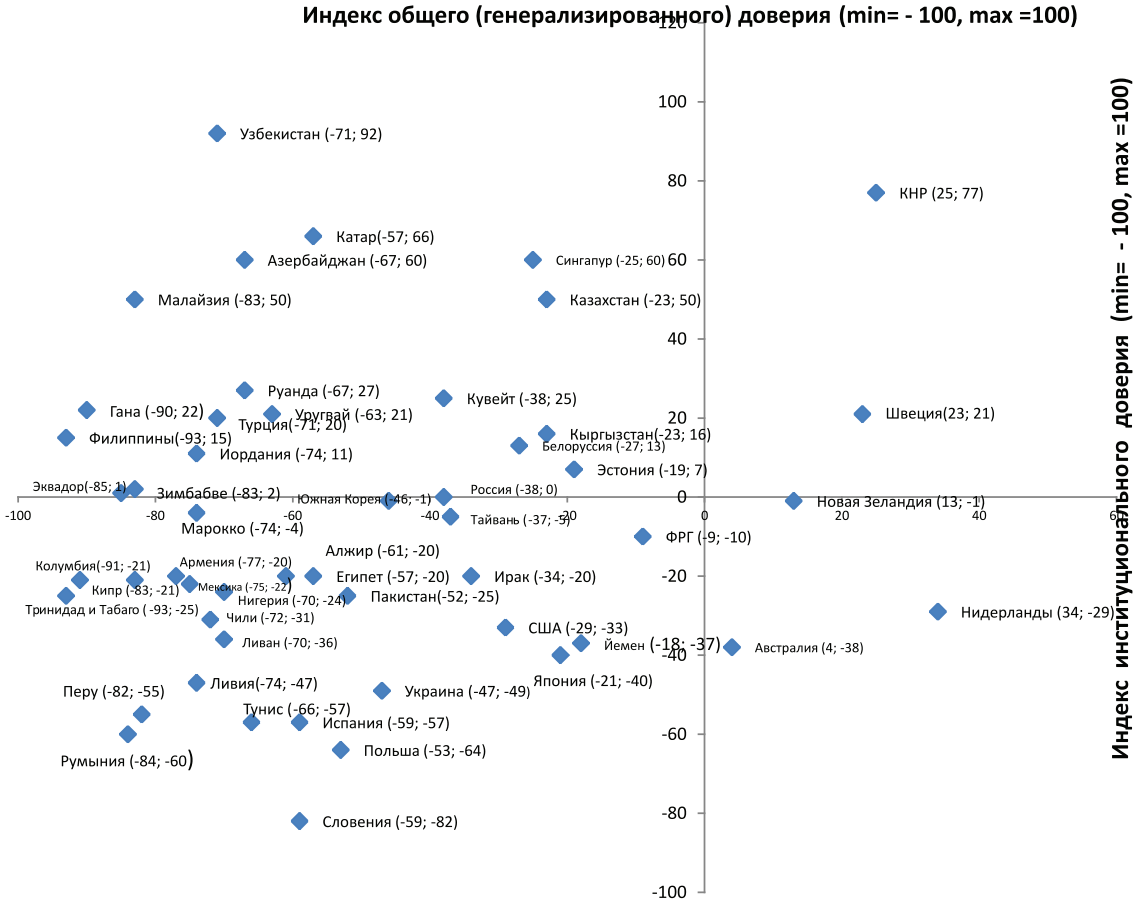
При всей эвристичности рассуждений Штомпки на тему трансформаций постсоветских обществ можно констатировать, что не во всех авторитарных политических режимах ситуация с доверием обстоит столь простым образом. В качестве подтверждения можно сослаться на результаты последней шестой волны проекта всемирного исследования ценностей WVS (рисунок, таблица), демонстрирующие значительную дифференциацию стран мира по соотношению институционального и генерализированного доверия [19]. На приведенной схеме позиции стран представлены на основе двух частных индексов институционального и общего доверия, рассчитанных на основе данных, полученных в ходе исследований 2010–2014 гг. в 51 стране мира. Частные индексы рассчитаны в автоматическом режиме с использованием инструментов визуализации данных на сайте проекта WVS как разница суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок, выраженных в процентах от общего количества опрошенных в каждой стране: $I = S$ положительных и средних оценок *(%) – S отрицательных оценок (%.),* $I\min = -100$, $I\max = 100$.

Индекс общего генерализированного доверия рассчитан на основе распределения ответов на вопрос V. 24 («В целом считаете ли вы, что большинству людей можно доверять, или, напротив, нужно быть осторожными, имея дело с людьми?»). Индекс институционального доверия рассчитан на основе распределения ответов на вопрос V. 115 («Скажите, насколько Вы доверяете правительству вашей страны: полностью, в некоторой степени, не очень, или совсем не доверяете?»). Возможность получения при этом в случае преобладания негативных настроений над позитивными отрицательных величин позволяет зафиксировать некие «критические точки» в общественном мнении, а главное – в реальном положении дел.

Самый высокий уровень генерализированного доверия зафиксирован в КНР, Скандинавии и Швеции, где ответ «большинству людей можно доверять» устойчиво дают более 60% опрошенных. Аналогично высокие показатели можно выявить в рубрике институциональное доверие («доверие правительству»).

В целом тенденция очевидна – уровень общего доверия выше в развитых странах и ниже в странах догоняющего развития, страны с автократической структурой власти демонстрируют более высокий уровень институционального доверия, чем страны с развитой демократией. Транзитивные общества, прошедшие за последние десятилетия драматичную стадию неудавшихся демократизаций и рыночных реформ, а также государства, принадлежащие к числу «частично демократических» или «дефектных демократий», с большой вероятностью демонстрируют отрицательные значения горизонтального и вертикального доверия, что свидетельствует о значительной поляризации социальных сил и высоком потенциале конфликтности

данных обществ. Однако у этого правила есть исключения. Так, Япония демонстрирует невысокий уровень доверия, как у развивающихся стран. А Китай столь же постоянно показывает очень высокие уровни генерализированного и институционального доверия, которые не только значительно превосходят уровень бывших социалистических республик, но также и уровень развитых стран, в частности Нидерландов, США, ФРГ, Австралии. И это невозможно объяснить исключительно достигнутыми экономическими успехами партийного руководства на пути «социалистической модернизации» и рекордными показателями за последние десятилетия экономического роста.



Соотношение между индексами общего (генерализированного) и институционального доверия в 51 стране мира, согласно опросам World Values Survey, Wave 6 (2010–2014), число опрошенных N = 73042

Вопреки ожиданиям, восточно-европейские страны из бывшего социалистического лагеря, например Польша, демонстрируют невысокий уровень генерализированного и институционального доверия. В целом данные исследования, хотя и не противоречат полностью гипотезе демократического транзита о взаимосвязи между степенью демократизации и уровнем доверия, но нуждаются в ряде принципиальных уточнений. Большое количество вопросов возникает относительно традиционных представлений западных мыслителей, распространенных в науке начиная с исследований Макса Вебера и заканчивая произведениями Фрэнсиса Фукуямы о том, что в Китае и других обществах с партикулярной системой ценностей, общинно-коллективным укладом, гиперэтатизмом и практически полным отсутствием надличностных универсалистских регуляторов общественных отношений, аналогичных западным, подлинное доверие невозможно. Наметившиеся очевидные противоречия между теорией и практикой, гипотезами и результатами возвращают исследователей не только к актуализации проблем демократического транзита, но и побуждают обратиться к выявлению роли цивилизационно-исторического, ценностно-институционального фактора в становлении и развитии доверия в незападных обществах.

Доля респондентов (в %), полагающих, что «большинству людей можно доверять», «правительству можно полностью доверять», в проекте WVS

Государство	«Большинству людей можно доверять», %	Государство	«Полностью доверяю своему правительству», %
Узбекистан	74,9	Нидерланды	66,1
Катар	51,5	КНР	60,3
Азербайджан	47	Швеция	60,1
КНР	37,7	Новая Зеландия	55,3
Кувейт	31,3	Австралия	51,4
Иордания	29,4	ФРГ	44,6
Казахстан	25,5	Эстония	39
Турция	24,7	Йемен	38,5
Сингапур	24	Казахстан	38,3
Гана	23,1	Сингапур	37,3
Марокко	19,6	Кыргызстан	36,3
Руанда	19,6	Япония	35,9
Эквадор	19,2	США	34,8
Малайзия	19	Белоруссия	32,6
Уругвай	17,2	Тайвань	30,3
Зимбабве	15,7	Ирак	30
Белоруссия	14,8	Кувейт	28,5
Алжир	13,9	Россия	27,8
Ливия	13,2	Южная Корея	26,5
Кыргызстан	13,1	Украина	23,1
Филиппины	12,4	Пакистан	22,2
Кипр	12,1	Польша	22,2
Ирак	11	Египет	21,5
Тринидад и Тобаго	10,8	Катар	21,4
Колумбия	10,3	Словения	19,9
Мексика	10	Испания	19
Швеция	9,4	Алжир	17,2
Йемен	9,1	Руанда	16,6
Нигерия	8,9	Тунис	15,5
Пакистан	8	Нигерия	15
Египет	7,9	Азербайджан	14,8
Ливан	7,8	Узбекистан	13,9
Эстония	7,1	Уругвай	13,8
Россия	7	Иордания	13,2
Тунис	6,6	Чили	12,4
Южная Корея	5,8	Мексика	12,4
Новая Зеландия	5,6	Марокко	12,3
ФРГ	5,5	Турция	11,6
Тайвань	5,4	Армения	10,9
Чили	5,2	Ливия	10
Армения	4,7	Ливан	9,8
Румыния	4,4	Малайзия	8,5
Австралия	3,9	Перу	8,4
США	3,7	Зимбабве	8,3
Перу	3,4	Румыния	7,7
Украина	2,6	Кипр	7,5
Испания	2,4	Эквадор	7,2
Япония	1,3	Гана	5
Нидерланды	1,3	Колумбия	4,1
Словения	0,9	Филиппины	3,2
Польша	0,4	Тринидад и Тобаго	3,2

Действительно, результаты всемирного исследования ценностей все больше наталкивают на рассуждения о принципиальных различиях структур доверия в обществах Востока и Запада. Подтверждением актуальности выявленной тенденции являются многочисленные публикации на заданную тематику, где основным объектом исследования остается Китай, это парадоксальное автократическое исключение из всеобщей аксиомы о демократизации [12; 13; 17]. Доверие выступает важнейшим фактором формирования и развития общественных отношений, являясь связанным со спецификой китайской культуры и менталитета. Традиционность китайской культуры, традиционные начала ее духовных учений были ориентированы на обеспечение социальной системы как целого, определяли функционирование таких системных качеств и эффектов, как коллективизм, иерархичность, гармоничность. Позиция Дж. Нейсбита о том, что «на китайское мышление огромное влияние оказывают два фундаментальных принципа: общественный порядок и гармония», подтверждает, что в условиях примата целого над частным стратегической ориентацией человека как субъекта социального порядка становится встраивание в систему социальных отношений [6, с. 63–64.].

Таким духовным ресурсом, позволяющим создавать и поддерживать гармоничное взаимодействие с природой и обществом, выступает китайская этика. Формировавшиеся не одно столетие духовно-нравственные принципы китайской цивилизации – буддизм, конфуцианство – создали парадигму, исключающую конфликтный характер, содержащую множество страхующих клапанов, предупреждающих социальные риски и блокирующих эскалацию конфликта, основанные на особой системе доверия. Так, даосизм предлагает гармоничную интеграцию, встраивание человека в Дао, это деятельность, которая не нарушает мировой гармонии, а отнюдь не молчаливое бездействие, абсолютная пассивность. В идейной системе буддизма же мы обнаруживаем идею нравственного совершенствования – пути, движения к освобождению. Согласно В.В. Анохиной, среди таких паттернов китайской ментальности можно выделить «идею Неба как трансцендентного абсолюта, определяющего правила природного, социального и морального порядков… идею Дао… идею перемен…культ предков и уважение к старшим, благодаря которому в китайском менталитете укоренились почитание родителей и абсолютный пиетет по отношению к старшим, правителю и самой Поднебесной с установленным в ней моральным и социально-политическим порядком» [2, с. 53].

Основой доверия выступает принцип гармонии. Это стратегический выбор китайской ментальности неслучаен для встраивания человека в систему взаимодействия «человек – мир» с присущими качествами упорядоченности, иерархичности, соответствии индивидуального коллективному целому. Чтобы существовать, нужно гармонично интегрироваться в эту систему, что и обеспечивается духовно-нравственным потенциалом китайской традиции. Китайский культуролог Гао Мин полагает, что культура Поднебесной содержит три великих традиционных (конфуцианских) идеала: гуманность, искренность, середина-нейтралитет, которые китайская культура несёт человечеству. Первое – это соответствие внутреннего и внешнего, оно создаёт гармонию эго («самосовершенствование»). Второе – соответствие между людьми, приводящее к гармонии в обществе («государственное правление», мир в «Поднебесной»). Третье – соответствие природы и человека, что порождает в конечном счёте космическую гармонию, в центре всегда находится человек с его сущностью и его целью способствовать гармонии [1, с. 180–182].

Порядок и гармония – эти два состояния оказываются неразрывно связанными и взаимоопределяемыми состояниями социальной системы Китая. Так, порядок как состояние согласованности элементов, соответствия элементов в конфуцианской версии основан, во-первых, на гармоничности взаимодействия элементов, во-вторых, на этических ценностях, в третьих, на патерналистской роли государства. Человек как элемент социального порядка, как часть целого должен соизмерять свое существование с природой, другими и собой, находясь в гармонии и согласии. В китайском опыте порядок не угнетающе действует на человека, а определяет пространство для действия, что соответствует учению Конфуция, согласно которому «только порядок способен обеспечить истинную свободу» [6, с. 64].

Сравнительный анализ социокультурных основ китайского и западного мира приводит нас к выводу о том, что европейский Запад, его социокультурные матрицы базируются на либерально-демократических принципах, воспроизводящих идеи индивидуализма, определяющие социальную, политическую, экономическую активность личности. Жизненные основы личности Запада предполагают индивидуальную свободу, ориентированность на инновационность и риск-интенциональность.

Я-ориентированность индивидуального субъекта выступает основополагающим принципом социального порядка западных обществ. Права и свободы человека обозначаются как духовные фундаментальные основы, а закон выступает регулятором поведения множества индивидуальных воль таких Я. В такой модели социального порядка активно по отношению к внешнему миру себя реализует личность, воплощающая следующие ментальные черты: рационализм, прогрессистские ориентации, либерализм, идеи конкуренции как основы жизнедеятельности в обществе.

Две модели доверия нам видятся очевидными для западного и китайского общества.

«Доверие на договоре» – результат рационально-фундированного взаимодействия субъектов, имеет своим результатом «доверие-уверенность», которую субъект западного общества получает, имея гарантию проверить действия Другого в будущем, осмысленном доверии действующим правилам и нормам, т.е. институциональной структуре в виде права, государства, закона. Доверие в проекции западного мира скорее выигрывают, чем заслуживают.

«Доверие на вере» – когда сохраненная духовным потенциалом вера в институты власти, семьи, традиции является основанием доверительного отношения в обществе. Это не слепая вера в авторитеты, доверие основано на традиции эффективности существующих институтов, заслуживших то самое доверие в многовековой истории. Доверие же в измерении китайского пространства скорее заслуживают, чем выигрывают.

Китайский опыт являет нам ситуацию колоссального влияния социокультурных факторов на структуру и динамику политического порядка Поднебесной. Уважение к власти, упоминаемое выше, ее автократическим версиям, коллективистские начала социальной жизни и другие активные факторы социокультурного традиционализма свидетельствуют о гармоничной интеграции политической сферы в общесоциальную систему координат. Дж. Нейсбит обозначил китайскую демократию как «вертикальную демократию», где при жесткой регламентации и нормировании социально-политической жизни представляются условия для формирования и развития доверия в политике.

В октябре 2005 года 5-й Пленум ЦК КПК зафиксировал озвученные Ху Цзиньтао шесть основных направлений по созданию «гармоничного социалистического общества», среди которых можно отметить «доверие и дружелюбие, наполнение общества творческой энергией» [3, с. 302]. Попадание доверия в пул государственных приоритетов общественного развития говорит о важнейшей роли этого ресурса в проводимых преобразованиях. Постепенность преобразований, которой характеризуется китайская модернизация, максимально гармонично разворачивающаяся в истории Китая, ориентирована на сохранение доверия людей к ключевым институтам китайского общества. Огромное значение здесь имеет государство, центрирующее и регламентирующее ход социальных, экономических трансформаций. Будучи центром модернизационных решений в условиях страновой специфики, государство Поднебесной минимально подвержено изменениям, выступает гарантом общекитайского модерна. Такая формула власти стала формулой модернизации Китая.

Приоритетна роль государства, которое поддерживает идеологическую консолидацию общества, формирует и обеспечивает высокий уровень доверия граждан к власти. Разрывы в матрицах доверия приводили к травматичным событиям, например связанным с активностью студенческих «движений 4 мая» 1989 года. По справедливому замечанию А.В. Виноградова, в этот период «главными лозунгами студенческое движение провозглашало «патриотизм», «демократию» и борьбу с коррупцией, выражая тем самым недоверие КПК не в выборе курса, а в ее способности провести намеченные реформы» [3, с. 238].

Публикация выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МК-84.2014.6.

Список литературы

1. Абрамова Н.А. Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие (социально-философский аспект). – Чита: Изд-во ЧитГТУ, 1998. – 303 с.

2. Анохина В.В. Культурные традиции и парадоксы модернизации современного Китая // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2009. – № 1. – С. 48–57.

3. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. – М., 2008. – 363 с.

4. Гудков Л.Д. «Доверие» в России: смысл, функции // Вестник общественного мнения. – 2012. – № 2 (май-июнь). – С. 8–47.

5. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. – М.: НИУ ВШЭ, 2013. – 564 с.

6. Нейсбит Д. Китайские мегатренды: 8 столпов нового общества. – М., 2012. – 315 с.

7. Олейник А.Н. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека» // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 2. – С. 40–51.

8. Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Латова Н.В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // Journal of institutional studies // Журнал институциональных исследований). – 2009. – Т. 1, № 1. – С. 20–35.

9. Фукуяма Ф.Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М., 2004. – 730 с.

10. Штомпка П. Доверие – основа общества. – М.: Логос, 2012. – 445 с.

11. Freitag M; Bühlmann, M. Politische Institutionen und die Entwicklung generalisierten Vertrauens. Ein internationaler Vergleich. Politische Vierteljahresschrift. – 2005. – № 46(4). – P. 575–601.

12. Freitag M., Traunmüller R. Spheres of trust: An empirical analysis of the foundations of particularised and generalised trust // European Journal of Political Research. – 2009. – № 48 –, P. 782–803.

13. Heberer T., Schubert G. Politische Partizipation und Regimelegitimität in der VR China. Band II: Der ländliche Raum. – Wiesbaden: VS-Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. – 270 p.

14. Kaina V. Wir in Europa. Kollektive Identität und Demokratie in der Europäischen Union. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. – 268 p.

15. Linggi D. Vertrauen in China. Ein kritischer Beitrag zur kulturvergleichenden Sozialforschung. – Springer Fachmedien Wiesbaden, 2011. – 281 p.

16. Putnam R. D. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. – Princeton: Princeton University Press,1993. – 258 p.

17. Schubert G. Herrschaft, Vertrauen und Legitimität in der VR China // China aktuell. – 2006. – № 2. – P. 5–39.

18. Stolle D. Trusting Strangers – The Concept of Generalized Trust in Perspective // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. – Jg. 31 (2002) H. 4. – P. 397–411.

19. URL: World Values Survey, Wave 6 (2010–2014) http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp (дата обращения: 1.07.2014).

References

1. Abramova N. A. *Tradicionnaya kul›tura Kitaya i mezhkul›turnoe vzaimodejstvie (social›no-filosofskij aspekt)* [Traditional culture of China and intercultural interaction (social-philosophical aspect)]. Chita: ChitGTU Publishing House, 1998. 303 p.

2. Anoxina V.V. *Kul›turnye tradicii i paradoksy modernizacii sovremennogo Kitaya* [Cultural traditions and paradoxes of modernization in modern China]. Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Istoriya, Filosofiya, politologiya, sociologiya, e›konomika, pravo. Herald of BSU – Belarusian State University. Ser. 3. History. Philosophy. Political science. Sociology. Economy. Law, 2009, no.11, pp. 48–57.

3. Vinogradov A.V. Kitajskaya model› modernizacii. Poiski novoj identichnosti. *[Chinese model of modernization. The search for a new identity]*. M., 2008. 363 p.

4. *Gudkov L.D. «Doverie»* v *Rossii: smysl, funkcii [«Trust» in Russia: meaning, functions]. Vestnik obshhestvennogo mneniya.* Journal of Public Opinion. 2012, no. 2. (May-June), pp. 8–47.

5. *Doverie i nedoverie v usloviyax razvitiya grazhdanskogo obshhestva.* [Trust and distrust under conditions of development of the civil society]. M.: National Research University Higher School of Economics, 2013. 564 p.

6. *Nejsbit D. Kitajskie megatrendy: 8 stolpov novogo obshhestva.* [Chinese megatrends: 8 pillars of a new society]. M., 2012. 315 p.

7. *Olejnik A. N. «Zhizn› po ponyatiyam»: institucional›nyj analiz povsednevnoj zhizni «rossijskogo prostogo cheloveka»* [«Life by the codes of the underworld»: an institutional analysis of everyday life of the Russian common man»]. Polis. Political studies. 2001, no. 2, pp. 40–51.

8. *Sasaki M., Davydenko V.A., Latov Yu.V., Latova N.V. Problemy i paradoksy analiza institucional›nogo doveriya kak e›lementa social›nogo kapitala sovremennoj Rossii* [Problems and paradoxes in the analysis of institutional trust as an element of social capital of modern Russia]. Zhurnal institucional›nyx issledovanij. Journal of institutional studies. 2009, Vol. 1, no 1. pp. 20–35.

9. *Fukuyama F. Doverie: social›nye dobrodeteli i put› k procvetaniyu* [Trust: The Social Virtues and The Creation of Prosperity]. M., 2004. 730 p.

10. Sztompka P. *Doverie – osnova obshhestva [Trust: A Sociological Theory]*. Moscow: Logos, 2012. 445 p.

11. Freitag M., Bühlmann, M. *Politische Institutionen und die Entwicklung generalisierten Vertrauens. Ein internationaler Vergleich.* Politische Vierteljahresschrift. 2005. no. 46(4). pp. 575–601.

12. Freitag M., Traunmüller R. *Spheres of trust: An empirical analysis of the foundations of particularised and generalised trust* // European Journal of Political Research. 2009. no. 48, pp. 782–803.

13. Heberer T., Schubert G. *Politische Partizipation und Regimelegitimität in der VR China. Band II: Der ländliche Raum.* Wiesbaden: VS-Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. 270 p.

14. Kaina V. *Wir in Europa. Kollektive Identität und Demokratie in der Europäischen Union.* Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. 268 p.

15. Linggi D. *Vertrauen in China. Ein kritischer Beitrag zur kulturvergleichenden Sozialforschung.* Springer Fachmedien Wiesbaden, 2011. 281 p.

16. Putnam R.D. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993. 258 p.

17. Schubert G. Herrschaft, Vertrauen und Legitimität in der VR China // China aktuell. 2006. no. 2. pp. 5–39.

18. Stolle D. Trusting Strangers The Concept of Generalized Trust in Perspective // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. Jg. 31 (2002) H. 4. pp. 397–411.

19. URL: World Values Survey, Wave 6 (2010-2014) http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp (дата обращения: 1.07.2014).

Рецензенты:

Листвина Е.В., д.ф.н., профессор кафедры философии культуры и культурологии, ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов;

Веретенников Н.Я., д.ф.н., профессор кафедры философии и методологии науки, ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов.

Работа поступила в редакцию 06.11.2014.